

ФОТО ЛЮБЕЗНО ПРЕДОСТАВЛЕНО ТРЕВОРОМ МАНУЭЛЕМ

Интересы людей во главу угла

Тревор Мануэль, дольше всех занимавший пост министра финансов Южной Африки, размышляет о потерянном десятилетии в этой стране и финансировании принимаемых в Африке мер в ответ на COVID-19

КОГДА РЕЖИМ АПАРТЕИДА в Южной Африке сдал власть после первых демократических выборов в 1994 году, экономика была в полном упадке и характеризовалась крайним неравенством. Стоимость обслуживания долга в процентах ВВП была непосильной. Тревор Мануэль, долгое время принимавший участие в борьбе с апартеидом и назначенный министром финансов, принял трудное решение. Он пересмотрел процесс

составления бюджета и установил жесткий целевой показатель сокращения бюджетного дефицита. К 2006 году темпы роста экономики были максимальными более чем за два десятилетия, а дефицит бюджета был близок к нулю — немногие могли предположить, что такого удастся добиться. «Одно из качеств лидера — это не бояться настоять на своем по некоторым вопросам, если твоя позиция обоснована», — говорит Мануэль. Он следует этому принципу на протяжении всей своей карьеры. Будучи беспощадным критиком «старого порядка», он в своей деятельности на постах председателя Комитета по развитию Всемирного банка и главы Комитета по реформе управления МВФ решительно поставил на международную повестку вопрос прав голоса и представительства стран с формирующимся рынком и развивающихся стран.

Он продолжает отстаивать необходимость создания равных условий, работая в качестве специального представителя Африканского союза по вопросам ответных мер африканских стран в связи с COVID-19, до этого проработав 20 лет на министерских постах при первых четырех президентах демократической Южной Африки. В интервью с сотрудницей Ф&Р Аналисой Бала Мануэль рассказал о проблемах Южной Африки и о том, какие ресурсы необходимы для преодоления пандемии в Африке.

Ф&Р: Будучи министром финансов, Вы осуществили сложные бюджетные реформы и в итоге курировали наиболее длительный этап экономического роста в Южной Африке. Что Вы посоветуете странам, перед которыми стоит трудный выбор?

ТМ: Согласно Конституции, члены Кабинета, как все вместе, так и каждый в отдельности, подотчетны парламенту. Бюджет представляет собой эту коллективную ответственность, поэтому моей задачей как министра финансов было убедить Кабинет в том, что нам нужно снизить отношение долга к ВВП. Мы учредили технические комитеты в Казначействе, предложив другим министерствам объяснить их потребности в расходах, и создали среднесрочную программу расходов для улучшения планирования. За несколько месяцев до дня представления бюджета в парламенте мы представляли ему бюджетный отчет с указанием объема расходов в соответствии с приоритетами правительства. В определенном смысле эта система была разработана таким образом, что мы были обязаны жить по средствам, это было нашей сильной стороной. Мы могли договариваться о том, как вести дела, потому что люди хотели внести свой вклад в демократический процесс.

Теперь уже такого отношения нет. Десятилетие Джейкоба Зумы было не просто «потерянным», как будто время остановилось. Это был шаг назад. Считалось, что Казначейство обладает слишком большой властью, поэтому президент пытался расформировать его. Это ослабление привело к тому, что мы сейчас имеем. Была ослаблена способность собирать налоги, а масштабная коррупция подорвала нашу

эффективность распределения средств в целом. Хотя у власти та же партия, страна очень сильно изменилась.

Ф&Р: После окончания международной изоляции Южная Африка превратилась в один из наиболее перспективных формирующихся рынков в мире, но в последние годы она отстает по своим показателям от аналогичных стран. Что ей мешает?

ТМ: По оценкам, 60 процентов членов федерации профсоюзов COSATU являются государственными служащими. Если сравнить зарплаты государственных служащих в Южной Африке с подобными странами с формирующимся рынком по среднему показателю ППС [паритета покупательной способности], дела у них идут относительно хорошо. Но это истощает государственные ресурсы.

Когда я был министром, многие сотрудники Казначейства работали там не потому, что им чрезвычайно хорошо платили. Существовал командный дух, заставлявший их добиваться результатов; это и является движущей силой перемен. Когда вы берете на себя общую ответственность и можете договориться о программе действий, которая не продиктована идеологией, вы создаете учреждения, способные пережить министров. Идеологическая чистота — вот что в наибольшей степени замедляет процесс преобразований в Южной Африке.

Ф&Р: В стране долгое время существует проблема неравенства. Что можно делать по-другому?

ТМ: Чрезвычайно важно обеспечить систему социальной защиты — в Южной Африке она в плачевном состоянии. А это означает постоянный пересмотр понятия «социальные доходы». Это нечто большее, чем просто пособия по безработице. Речь идет о том, чтобы система социального обеспечения служила тем, кто больше всего в ней нуждается. Речь идет о качестве образования и здравоохранения и о том, чтобы у людей был доступ к чистой воде, средствам санитарии и системе сбора отходов.

Один ученик средней школы, живущий в неформальном поселении под названием Косово, в прошлом году окончил школу с 99-процентным баллом по математике и 100-процентным по физике. Косово на первом месте в стране по числу убийств. Каждый вечер он занимался в своей лачуге под шум выстрелов. Проблемы неравенства невозможно решить, не изменив условия жизни этих учеников. Дать определение термину «социальный капитал» непросто, но он отражается в уверенности молодых людей, вышедших из эффективной системы образования: он позволяет им расширить круг своих возможностей.

Ф&Р: По Вашей оценке, дефицит финансирования ответных мер в связи с пандемией в Африке составит примерно 100 млрд долларов США в год в течение следующих трех лет. Как странам покрыть этот дефицит?

ТМ: Нам как представителям было поручено найти решение проблемы, по-прежнему связанной со значительным риском, — растущей стоимости обслуживания долга. Очевидно, что начать нужно было с МВФ и «Большой двадцатки». Так была создана Инициатива по приостановке выплат в счет обслуживания долга. Из более чем 12 млрд долларов США, подлежащих отсрочке, было выделено лишь порядка 5 миллиардов. Это капля в море.

В октябре 2008 года, после краха Lehman Brothers, встреча «Большой двадцатки» впервые состоялась на уровне глав государств. К апрелю 2009 года было согласовано предложение о распределении СДР [специальных прав заимствования]. Сегодня миру необходимы столь же высокие лидерские качества. Нам необходимо новое распределение СДР и обсуждение вопроса о том, как применить неиспользованные СДР для повышения ликвидности в странах с низкими доходами и в испытывающих трудности странах со средним уровнем дохода.

Ф&Р: Размышляя об усилиях по облегчению долгового бремени в прошлом, о чем следует помнить сегодня?

ТМ: В определенный момент нужно будет обсудить тему сокращения долга аналогично совместной инициативе МВФ и Всемирного банка по облегчению долгового бремени, начатой в 1996 году. Если опустить споры о том, были ли приемлемыми установленные условия, она принесла пользу ряду стран. Разница в том, что сейчас намного больше развивающихся стран имеет доступ к рынкам капитала. Есть страны, которым крайне необходимы меры по сокращению долга, но они боятся, что их кредитный рейтинг будет снижен, если они обратятся за помощью. Они оказались между двух огней.

Ф&Р: Вы выросли в сегрегированном городе в бедном районе, и это способствовало тому, что Вы стали участником движения сопротивления в Кейптауне и в результате оказались в тюрьме. Что помогло Вам пережить трудности и как Вы смогли сохранить трезвость мышления, став членом Кабинета?

ТМ: Я не позволял обстоятельствам повелевать мной. Моя мать всегда присутствовала в моей жизни, когда в ней происходили важные события. На ее похоронах в прошлом году я сказал, что всегда искал ее глазами в аудитории, представляя бюджет. Самым важным для меня было знать, что она понимает мои слова. Я могу говорить об «экономических концепциях», но какое это имеет значение, если люди, на жизнь которых влияют эти решения, не понимают, что это означает лично для них? Люди — вот что важно в жизни. Их нельзя подвести. **ФР**

Интервью было сокращено и отредактировано для большей ясности.